

УДК 392

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОГО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ КИТАЙЦЕВ НА АБОРИГЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ УССУРИЙСКОГО КРАЯ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

Ткачёва Наталья Николаевна, кандидат политических наук, доцент департамента психологии и образования Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, РФ). E-mail: nataltk@mail.ru

Ткачёв Сергей Викторович, кандидат политических наук, заведующий политехническим музеем Учебно-научного музея Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, РФ). E-mail: sertk@mail.ru

С начала XIX века китайцы начали проникать в Уссурийский край, где к тому времени проживало очень немногочисленное аборигенное население, основным занятием которого была охота и сопутствующая ей рыбная ловля. Появление мигрантов из Поднебесной было встречено с любопытством и доброжелательно (до этого в крае появлялись только маньчжуры); однако оно спровоцировало возникновение сложных этнических процессов. Здесь мы встречаем довольно редкий случай «мужской» миграции, причём численно подавляющей местное сообщество. В такой ситуации происходит стремительная ассимиляция аборигенов. Но при этом происходит внедрение лишь «мужской» части культуры – особые условия хозяйствования, орудия труда, социальная система, законы, закрепляющие новые правила общежития, религиозные представления и т. д. Цель данной статьи – проследить культурное влияние китайцев на аборигенов края в дореволюционный период. Авторы сконцентрировали своё внимание на вопросах, весьма чувствительных для любого этноса в период активной трансформации. Это – изменение представлений об окружающем мире и своём месте в нём, резкая модификация социальной структуры привычного общества, появление новых культурных и социально-экономических вызовов и реакция на них. Обычно эти вопросы рассматривались с точки зрения негативного влияния китайцев на аборигенов края. В данной статье показано, что при действительно подавляющем культурном влиянии Китая на аборигенов всё же представления о китайцах как об эксплуататорах местных жителей не всегда соответствовали действительности.

Ключевые слова: китайцы, аборигены, Уссурийский край, обычаи, национальная культура, эксплуатация.

PROBLEMS OF THE CULTURAL AND SOCIO-ECONOMIC CHINESE INFLUENCE ON THE NATIVE PEOPLE OF THE USSURI AREA IN THE MIDDLE 19TH - EARLY 20TH CENTURY²

Tkacheva Natalya Nikolaevna, PhD in Politics, Associate Professor of Psychology and Education Department of Art and Humanity School, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: nataltk@mail.ru

Tkachev Sergey Viktorovich, PhD in Politics, Head of Polytechnic Museum of Educational Scientific Museum of Art and Humanity School, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: sertk@mail.ru

In the 19th century, the Chinese began to spread to the Ussuri region. In this territory by that time a very small aboriginal population lived, whose main occupation was hunting and fishing. The arrival of migrants from China was accepted with curiosity and kindly, but gradually it provoked the emergence of complex

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта no. 18-009-00393.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 18-009-00393.

ethnic processes. Here we meet a rather rare case of ‘male’ migration with numerically overwhelming the local community. In such a situation, aborigines assimilate rapidly but only the ‘male’ part of the culture is introduced to special economic conditions, tools, laws, religious beliefs, etc. The purpose of this article is to trace the cultural influence of the Chinese on the Aboriginal in the pre-revolutionary period. The authors concentrated their attention on issues that are very sensitive to any ethnos during the period of active transformation. This is a change in ideas about the surrounding world and its place in it, sharp modification of the social structure of the usual society, emergence and reaction to new cultural and socio-economic challenges. As a rule, scientists considered these issues from the point of view of the negative influence of the Chinese on the Aborigines of Ussuri region. In the article, the authors showed that with China’s truly overwhelming cultural influence on the Aborigines, yet the notion of the Chinese, as exploiters of local residents did not always correspond to reality. In this paper, the information was used from a little-known monograph by S. Brailovsky (1902) and mostly unpublished field diaries of V. Arsenyev (1906-1909).

Keywords: Chinese, aborigines, Ussuri region, customs, national culture, exploitation.

Один пожилой прислужник постоянного двора рассказывал мне о своём путешествии в Уссурийский край, куда он ходил на заработки, и описывал дремучие леса, высокие горы и болотистые равнины, которые заграждают путь в этот золотой край (бао ди); зато в один год смелый промышленник может там добыть себе столько, сколько он не был бы в состоянии приобрести десятилетним трудом на родине.

Архимандрит Палладий, Маньчжурия, 1870 [9, с. 47]

Уссурийский край был присоединён к Российской империи по Пекинскому договору в 1860 году. Однако ещё задолго до этой даты в регионе начали происходить сложные этнические процессы, которые приход русских и, в последующем, корейцев ещё более стимулировали.

Данная ситуация представляет интерес по нескольким причинам. Во-первых, к 1860 году эта территория была крайне слабо заселена аборигенами, а китайцы начали проникать в край с начала XIX века, но они также были весьма немногочисленны. Исследователи по-разному оценивали численность китайцев в Уссурийском крае в конце 60-х – начале 70-х годов XIX века: архимандрит Палладий говорил о 40–50 тыс. человек, М. И. Венюков и А. А. Алябьев считали, что их не более 2 тыс., Н. М. Пржевальский допускал цифру 4–5 тыс. человек, П. А. Гельмерсен от 5 до 7 тысяч... А. Ф. Будищев свидетельствовал, что на всём огромном пространстве описываемого края (271 950 квадратных вёрст) всех местных жителей (гиляков, орочей, китайцев, гольдов) едва ли насчитывается более 10 тысяч человек [8, с. 71]. Со-

гласно переписи В. Н. Висленёва, проведённой в Южно-Уссурийском крае в 1879 году, здесь насчитывалось 544 аборигена и 5 268 китайцев (проживающие во Владивостоке не включены в эту цифру) [10, с. 76–77]. Несмотря на то, что китайцев почти в 10 раз больше, чем аборигенов, всё равно их очень мало. Практически Уссурийский край до прихода русских представлял собой terra nullius.

Вторая особенность – исключительно мужской состав китайского населения. Это создавало совершенно особую ситуацию. «Семейная» миграция, по сути, замкнута на себя, стремится к сохранению собственной этнической и культурной идентичности в новой среде, поэтому время взаимодействия с новыми окружающими сообществами может исчисляться поколениями. Иное дело, когда мы встречаем довольно редкий случай «мужской» миграции, при этом численно подавляющей местное сообщество. В такой ситуации ассимиляция аборигенов стремительна, но при этом происходит внедрение лишь «мужской» части культуры – особые условия хозяйствования, орудия труда, законы, религиозные представления и т. д.

Цель данной статьи – на основании полевых дневников В. К. Арсеньева 1906–1909 годов и наблюдений С. Н. Браиловского проанализировать это культурное явление и сделать вывод о степени его влияния на местную общину аборигенов.

Изменения в представлениях об окружающем и потустороннем мире

Культурное влияние китайцев оказало серьёзное воздействие на духовную сферу жизни аборигенов. При этом трудно представить, что

распространение религиозных воззрений имело под собой какой-то материальный подтекст, так же как и гелиоцентрическая модель солнечной системы или система счёта времени. Эта информация не конвертируется в шкурки соболей, а является чистой передачей знаний.

Орочи уверяют, что они раньше не знали, как надо молиться богу. – Пришли манзы и научили молиться богу [1, с. 71].

При первом вопросе о религии большая часть удихэ отвечает: «Молимся китайскому богу». Действительно, сознательно или бессознательно, но они стараются исполнять, подобно китайцам, все религиозные обряды. Во всяком более многолюдном поселении тазов имеется китайская кумирня [6, с. 182].

Орочи переняли от китайцев кое-что из их религии – У них можно увидеть сложенные из плах и деревьев подобие кумирен [5, с. 99].

Брайловский отмечает, что коренные жители воспринимают китайские религиозные представления только поверхностно. *Копируя во всём китайцев, удихэ не прониклись глубоко буддийской религией; они взяли от неё одну внешность и то искажённую: поклонение идолам. На р. Самарге старые люди говорили мне, что китайскую религию они приняли лет 25 тому назад, а до того времени они молились своим богам [6, с. 183].* Нужно отметить, что местный шаманизм вполне органично сосуществовал с буддизмом.

На побережье океана обычай похорон заимствован от китайцев [6, с. 193]. Что не удивительно – представления о загробном мире в буддизме выглядят очень привлекательными.

При этом влияние православия, которое пытались привить аборигенам русские и, собственно, российские власти, также было очень невелико и поверхностно: *«Орочи-удихэ числятся православными и, конечно, только на бумаге. Многие из них носят кресты. Когда я их спрашивал, что это у них на груди, они отвечали: «Севохи»³ и при этом высказывали удивление, почему русский севоха имеет всегда раскрытые руки, как будто он хочет лететь и думает, что это его крылья. Некоторые из них имеют два-три имени, потому что их крестили несколько раз. Всё это говорит о том, что крещение было только внешним об-*

³ Изображение духа, помогающего человеку, у народностей Приморья и Приамурья.

рядом – и, слава Богу! Иначе у них появился бы душевный разлад и ни к чему путному крещение не привело бы [4, с. 57].

В последнее время они (удихэ) научились вести счёт времени от китайцев, считая за начало года китайский новый год (в конце января) [6, с. 196].

У некоторых орочей существует... воззрение на движение солнца, луны, звёзд. «Кто из них стоит, кто движется?» – задают они сами себе вопрос и тотчас же дают себе ответ: «Наша думай, однако, солнце стоит, а земля ходит есть!». О том, что земля вертится, орочи слышали от гольдов, а эти последние почерпнули эти сведения от китайцев [5, с. 104]. Действительно, передача подобного рода знаний не несёт никакой материальной выгоды, но косвенно показывает авторитет китайцев, значимость их мнения и доверительность взаимоотношений ведь они просто словами убедили аборигенов в том, что противоречит обычному наблюдению. При этом вряд ли такая передача знаний была единичным явлением.

Новые вызовы: социальные болезни и эпидемии

Как всегда в истории, колонизаторы приходят со своими болезнями. Самой большой проблемой была оспа (чужа). Характерно, что аборигены в основной массе стремились получить квалифицированную медицинскую помощь. Корейцы за плату практиковали примитивную, но всё же достаточно эффективную прививку от оспы. Но жертв этой болезни всё равно было очень много. Это происходило в тайге, в русских поселениях и городах даже не знали, какая трагедия разыгрывается совсем недалеко от них.

Также, по-видимому, большой проблемой стало опиекурение, но его распространение было весьма неоднородным, и, действительно, это было китайским бизнесом. Русская водка также не могла конкурировать по цене с китайским ханшином. Зато, по мнению Арсеньева, русские с мукой аборигенам завезли тараканов, а с сахалинской каторги – клопов.

Китайцы полагают, что за последние 20 лет число орочей уменьшилось раз в 5 или 6. Это же самое говорят и сами орочи. Причина вымирания – болезни и изменившиеся условия жизни [6, с. 33]. Впрочем, фольклорные источники говорят о том, что оспа периодически появлялась сре-

ди аборигенов края, катастрофически сокращая их численность, задолго до прихода и русских, и китайских мигрантов.

Во вторую эпидемию оспы (1882–1883) их (манз) было уже много, и они хоронили умерших уди́хэ [6, с. 70]. Браиловский отмечает, что китайцы меньше подвергались опасности, так как многие из них переболели оспой в детстве.

По рассказам гольдов на р. Чин-Гоуза в течение двух с половиной суток умерло около 600 гольдов. Китайцы боялись их хоронить и сжигали трупы на больших кострах. В довершение несчастья китайцы решили уничтожить и оставшихся в живых гольдов, опасаясь, что и они заболеют и только увеличат заразу [4, с. 10]. Эту информацию Арсеньева 1906 года мы оставляем без комментариев, отметив лишь, что численность жертв болезни в 600 человек для достаточно немногочисленных гольдов, это очень сильный удар для выживания этноса в целом. По данным переписи населения Приморской области 1915 года, всего насчитывалось 4330 гольдов [7, с. X].

Сравнительно малую, но весьма губительную распространённость среди уди́хэ имеет сифилис, которому даже названия не придумали до сих пор эти полудикари. Замечательно, что эту ужасную болезнь... мне доводилось встречать лишь в южной части территории уди́хэ. Несомненно, что болезнь имеет заносное происхождение, и, по моему мнению, её привезли сюда манзы [6, с. 70]. Браиловский здесь делает неоправданное обобщение, описывая единственный случай, а именно, больную девушку 16 лет, у которой был сексуальный контакт с бродячим манзой 5 лет назад.

Вообще со всеми своими болезнями коренные жители края обращались к своим шаманам. Но при этом искали помощи и у русских врачей. Последних было чрезвычайно мало, и в основном они практиковали в русских поселениях. Браиловский отмечает, что эту нишу занимали также манзы. *Следует предположить, что в качестве лекарей практикуют среди уди́хэ манзы, лечащие посредством трав и растений, пантов, женьшеня и т. п. [6, с. 70].*

По мнению и Браиловского и Арсеньева, китайцы спровоцировали распространение среди аборигенов употребление опиума и водки. При этом ханшин (китайская водка) первоначально не продавался, а дарился. Часто по такой же схеме получал распространение и опиум. Ниже приве-

дены сообщения из путевых дневников Арсеньева разных лет на эту тему. Не стоит удивляться, что наблюдается разная ситуация с алкоголизмом и наркоманией, – описываются географически разные районы края. В целом можно сказать, что эти разрушительные для аборигенов явления получили распространение в тех районах края, куда, прежде всего, проникали китайцы.

Китайцы первые привезли спирт [5, с. 2]. Орочи рассказывают... гильяки курили табак, курить научились с них и орочи. Китайцы привезли ханшин, но мало – спиртом они не торговали, а только понемногу угощали орочей и дарили его без денег [5, с. 10].

Сколько мне ни приходилось спрашивать опикуров – уди́хэ, всегда получался один ответ, что научили курить опий манзы [6, с. 120].

Два года тому назад китайцы стали возить опий на р. Кусун... В настоящее время не найдётся ни одного ороча (здесь), кто не курил бы опия [1, с. 29].

Нельзя сказать, чтобы орочи пьянствовали, я редко и мало видел пьяных... причём пьяные вели себя очень тихо и прилично. Многие из них совершенно даже не пьют вина, а ещё реже курят опий. Я до сего времени видел только одного такого ороча-старика, который немного курил опий, и тот оправдывался тем, что он болен и курит опий лишь для поправления здоровья [4, с. 37].

Нигде (верховья р. Хор) не видно, чтобы гольды и орочи курили опий, пьянствовали или состояли должниками у китайцев. Вообще живут они несравненно лучше, чем их собратья на побережье моря [5, с. 69].

Социально-экономические конфликты и вопрос «эксплуатации»

В опубликованной исторической литературе практически невозможно встретить мнение, противоположное тому, что китайцы эксплуатировали местное коренное население. На наш взгляд, такая точка зрения не является объективной.

Этот раздел начинается рассказом Браиловского о работнике-манзе, который постепенно отбирает имущество у хозяина-уди́хэ. Мы позволили себе привести в статье столь обширный отрывок, чтобы продемонстрировать несколько важных моментов. Во-первых, Браиловскому не удаётся посмотреть на разыгрывающуюся перед

его глазами драму непредвзято: он всецело на стороне удиһэ. И это снижает значимость данного научного труда в плане объективности. Но самый главный вопрос здесь: кто же эксплуататор?

В деревне на р. Такхоне я встретил единственную богато обставленную фанзу у удиһэ. По внешнему виду её никак нельзя было отличить от богатой усадьбы китайца. Близ двора, на прекрасной равнине, пасся рогатый скот в количестве 15 голов... жена и дети нарядно одеты и причесаны... Расспросы показали, что богатство и довольство настоящей семьи – чистейший мираж: всё виденное мною имущество всецело принадлежало находившемуся здесь манзе... Оказалось, что лет десять назад на этом дворе жил удиһэ с семьей. У него была фанза, быки и лошадь... К этому удиһэ пристал в качестве работника виденный мною манза... Заметив расположение хозяина к лени и беспечность его, услужливый манза предложил хозяину такие условия: пусть хозяин передаст всё своё хозяйство ему, работнику, который будет давать хозяину половину урожая. Скот принадлежит хозяину, а приплод – работнику. Когда прежняя фанза пришла в ветхость, работник предложил хозяину, выстроить новую, более обширную. «Всё равно, что твоё будет!» – утешил хитрый манза добродушного и простоватого хозяина-лентяя. Между тем проходили годы; семья у хозяина увеличивалась, дети подрастали, потребности увеличивались. Хозяин, пользуясь услугами китайца, совершенно забросил хозяйство и окончательно обленился. За десять лет скот хозяина стал негодным к работе, а приплод работника был в силе. Старая фанзушка хозяина исчезла, заменившись большою новою фанзою, которую соорудил и считал своею собственностью манза. Когда от хозяйства удиһэ остались одни жалкие руины, китаец нашёл невыгодным соблюдать некоторые из прежних условий, например, он признал невозможным давать хозяину половину своего дохода и ороch-удиһэ помирился на трети дохода. Недостающее для содержания семьи брал у манзы-работника в долг, в счет выкупа усадьбы... Нетрудно предсказать... печальный конец этой... истории хозяйства ороchона-удиһэ; хозяин проест жену и детей, затем навсегда закабалит себя манзе-работнику, который очень скоро примет вид богатого хозяина и заставит удиһэ работать на себя, не разгибая спины [6, с. 91–92].

На наш взгляд, в данной истории симпатии вполне могут быть на стороне батрака-китайца, десятилетиями работающего на владельца усадьбы – удиһэ и пытающего увеличить свои доходы за вложенный труд. Браиловскому же важен вопрос первоначального владения имуществом, как помещичьего землевладения. Впрочем, возможно, здесь сыграл свою роль и этнический фактор, – история выглядела бы совсем иначе, если хозяином усадьбы был бы, например, китаец, а батраком – русский.

На р. Такэми(?) во всё своём безобразном виде проявилось притеснение ороchей китайцами – та же кабала, то же рабство, то же ростовщичество, что и на р. Иман... Нет ни одной семьи ороchей, где не было бы китайца. Эти пауки присасываются к тазам всюду и под различными предложениями: где в качестве домоуправителя, где в качестве компаньона, где в качестве помощника, где женихом около молодой ороchеньки и т. д. [1, с. 29]. За долги китайцы... прибегают даже к пыткам, для чего около кумирни подвешивают его (должника) на дерево за пальцы. Ороchенька плачет, повешенный ороch стонет. Картина возмутительная [3, с. 31]. На самом деле, практически все многочисленные и повторяющиеся описания бесчинств китайцев по отношению к аборигенам касаются района реки Иман, но на это мало обращается внимание, и все эти действительно вопиющие факты транслируются уже на всё китайское население края.

Из всех ороchей на Сан Хобэ только двое должны китайцам (300 и 150 рублей), причём они лично признают за собой этот долг и на притеснения их китайцами не жалуются. По их заявлению, китайцы процентов с них не берут, и они живут с ними в дружбе и согласии [1, с. 24]. Из данного наблюдения Арсеньева видно, что взаимоотношения между китайцами и аборигенами далеко не всегда были экономически антагонистическими. Но такая информация не печаталась, очень редко попадая на глаза широкой общественности.

Некоторые из них (орочей) держат китайца-работника, который ведает исключительно полевыми работами, в том числе и хлебопашеством. В общем, орочи, если бы не курили опия, не пили бы водки, не брали бы товаров в долг у китайцев, могли бы жить хорошо и даже

скопить деньжонки, что и видно у более благо-разумных [3, с. 88].

Орочи на р. Кусун не жалуется на китайцев, говоря, что они их, орочей, не притесняют. Таких аномальных явлений, каких мне пришлось видеть на Имане, здесь нет. Орочи живут в дружбе с китайцами... На Кусуне китайцев мало, а орочей много. Первые ещё не решаются на открытое грубое насилие по отношению к туземцам [3, с. 38]. Возможно, Арсеньев прав, и настоящая эксплуатация аборигенов начинается там, где численно они начнут уступать китайцам. Впрочем, это маловероятно, вся человеческая история показывает, что власть всегда находится в руках очень немногочисленной, но сплочённой группы. То есть следовало бы ожидать эксплуатации коренного населения китайцами ещё тогда, когда последних ещё крайне мало.

Ниже приводятся также неопубликованные наблюдения Арсеньева, которые он озаглавил «Нравственность», посвятив этот раздел орочам. Здесь опять же возникают сомнения относительно абсолютного характера эксплуатации аборигенов китайцами.

Кусунские орочи при всяком удобном случае стараются где-нибудь в долг набрать... в расчёте подольше придержат долг, вывести из терпения кредитора и тогда ему всучить за долг похуже соболей и по цене сравнительно не низкой... Ороч никогда не скажет, сколько он действительно поймал соболей. Обыкновенно они прячут их и сперва стараются сбить за долги худших, после этого они, припрятав самых лучших, сбывают потихоньку продавцам средних по стоимости и только потом уже когда-нибудь при удобном случае, где-нибудь на стороне продают самые ценные шкурки [3, с. 39].

Попрошайничество у орочей развито страшно. Придя к купцу китайцу, у которого они забирают в долг товары, муку и крупу, орочи просят у него в подарок коробку печенья или банку ананасов. Иногда это выпрашивание длится более часу. Видя, что китаец упорно стоит на своём и отказывается, ороч начинает грозить, что не станет платить долг или нарочно будет затягивать уплату долга. Эта угроза становится действительной, и китаец побеждён. Уходя, ороч напоминает китайцу, чтобы он не записывал в долговую тетрадь подарка, иначе он платить долг не будет. Тем не менее китаец каждый раз берёт

свои записи и к старым долгам приписывает понемногу, чтобы покрыть убытки, причинённые ему подарками для орочей [3, с. 83].

Арсеньев обращается и к вопросу кредита, как основы китайской эксплуатации аборигенов, и приходит к парадоксальному выводу: без этих денег (то есть, без китайцев) аборигены вымрут от голода. Кредитование у китайцев орочей мало беспокоит. Они привыкли занимать у манз запасы продовольствия, если не хватает своих добытых личным трудом на охоте. В настоящее время потребности жизни у инородцев увеличились, а тайга стала давать мало. Отсюда заключение – им надо кредит на предметы первой необходимости. Если сейчас изгнать всех китайцев-купцов, то значит заведомо обречь инородцев на голодовку. Хоть по дорогой цене, а всё-таки они имеют кредит и всё, что требуется для их жизни [2, с. 36].

Из приведённых примеров видно, что вопрос этнической эксплуатации не столь однозначен, как обычно представляется в литературе. Кредитование сезонных промыслов – также типичное явление и в современной экономике. Стоит обратить внимание на следующий момент: до прихода в край китайцев аборигены вполне удовлетворяют свои потребности в еде, одежде при этом, не затрачивая особых усилий. Пришедшие китайцы именно изменили эти потребности и добавили новые (новая пища, более удобная одежда и оружие, алкоголь, опиум, престижные вещи), которые можно было удовлетворить, лишь расплатившись с китайцами тем, что им было нужно – соболей, панты, женьшень, морская капуста. В этом отношении «обобщённый» китаец в крае был эксплуататором. Но реальная жизнь сложнее таких обобщённых схем, и приведённые примеры показывают, что аборигены тоже были отнюдь не всегда наивными детьми природы.

Новые вызовы: этнический бандитизм

Коренные жители региона далеко не всегда жили дружно друг с другом. До прихода русских имели место межплеменные войны (часто из-за случайных убийств или неслучайных краж невест), усугублявшиеся обычаем кровной мести. После установления российской власти сами аборигены признавали, что межплеменные конфликты прекратились. Возможной причиной является появление китайцев и этнического китайского

бандитизма (хунхузы), что мобилизует родственные этносы к кооперации.

Лет 40 назад на Самарге появились китайские разбойники (чалдоны по ороченски). Они начали убивать и грабить орочен [5, с. 8].

В случае нападения хунхузов на тазу, остальные собираются отовсюду и с оружием в руках или защищают его от китайцев или преследуют обидчиков с оружием в руках и страшно мстят (кровь за кровь) [4, с. 123].

Нравы местных китайцев на р. Ахибэ и Таудзихэ удивительно дикие. Так, на р. Ахибэ помощник старшины из винтовки застрелил трёх человек, в том числе одного гольда, жену его продал за 350 рублей, а деньги взял себе. На р. Таудзихэ китаец убил палкой сонного мальчика (таза), проломив ему спину двойным ударом. И оба эти героя живут по-прежнему благополучно и безнаказанно. Пристав Ольгинский об этом ничего не знает [4, с. 17].

На р. Кусун проживает китаец Уан-Син, который имеет винтовку (как и все они). Этот китаец пользуется общей нелюбовью не только орочей, но и китайцев. При всяком удобном случае он старается стрелять в человека из ружья. Они считают его всё равно как хунхузом [3, с. 7]. Интересное замечание, так как в том же дневнике позже мы находим информацию о том, что орочи здесь «живут в дружбе с китайцами» (см. выше).

Далее следует очень необычная мысль Арсеньева, также нигде не опубликованная, по сути, перечёркивающая все наши обычные представления о взаимоотношениях коренных жителей края с китайцами. Суть этой мысли – мы совсем не понимаем этих отношений и нам не следует в них вмешиваться.

Никогда не следует разбирать раздоров между китайцами, орочами и гольдами, иначе можно зайти в такой лабиринт непонятных для нас их отношений между собою, что не знаешь,

как из него и выпутаться. Не следует вмешиваться в их дела, хотя бы даже последние связанны с убийствами и грабежами. У них свои взгляды, свои убеждения, свои особые правила, нравы и обычаи, для нас, европейцев, совершенно чуждые и непонятные [4, с. 8].

В данной статье авторами были представлены мнения двух известных исследователей южной части Дальнего Востока России С. Н. Браиловского и В. К. Арсеньева на взаимоотношения аборигенов и китайцев в начале XX века. Характерной чертой высказываний Арсеньева является то, что зачастую он сам себе противоречит (Браиловский гораздо более последователен). И этих противоречий много. Почему это происходит?

В своём путевом дневнике Арсеньев пишет либо события прошедшего дня, либо внезапно посетившие его мысли. Дневник эмоционален, несдержан, фиксирует момент и, наверное, более честен с читателем, чем книга, написанная на его основе. В опубликованных материалах мы не найдём высказываний Арсеньева о свободе нравов в семье орочей, о попрошайничестве, детоубийстве или о необходимости воздерживаться от вмешательства «в раздоры между китайцами, орочами и гольдами». Это – проблема действительно вовлечённого в события человека. Но это и показатель совершенно неоднозначной ситуации в социально-культурном взаимодействии аборигенов и манз. На р. Иман китайцы, пользуясь близостью Маньчжурии, устанавливая в тайге свои порядки и совершенно поработают аборигенов. А в другом месте – более гармоничные взаимоотношения. Но как раз неоднозначная оценка этих контактов говорит об их сложности, в противовес плоскому, понятному и поддержанному всеми негативу к манзам.

Собственно, это мы и стремились показать – данная тема всё ещё требует своего глубокого исследования.

Литература

1. Арсеньев В. К. Путевой дневник 1907 года. – № 1 // О-во изучения Амур. края. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 5.
2. Арсеньев В. К. Путевой дневник 1907 года. – № 3 // О-во изучения Амур. края. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 7.
3. Арсеньев В. К. Путевой дневник 1907 года // О-во изучения Амур. края. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 6.
4. Арсеньев В. К. Путевой дневник 1906 года. – № 3 // О-во изучения Амур. края. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 2.
5. Арсеньев В. К. Путевой дневник 1908–1909 годов // О-во изучения Амур. края. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 10.
6. Браиловский С. Н. Тазы или Удихэ (опыт этногр. исслед.). – СПб., 1902. – 223 с.
7. Населённые и жилые места Приморского района. Крестьяне. Инородцы. Жёлтые. Перепись населения 1–20 июня 1915 года. – Владивосток, 1915. – 136 с.

8. Нестерова Е. И. Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX века). – Владивосток, 2004. – 372 с.
9. Палладий. Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска чрез Маньчжурию в 1870 году. – СПб., 1872. – 130 с.
10. Ткачев С. В. «Корейцы и инородцы Южно-Уссурийского края» в переписи В. Н. Висленёва // Российская история. – 2018. – № 2. – С. 67–79.

References

1. Arsenyev V.K. Putevoy dnevnik [Travel Diary], 1907, no. 1. *Obshchestvo izucheniya Amurskogo kraya [Society for the study of the Amur region]*, F. 14, op. 1, d. 5. (In Russ.).
2. Arsenyev V.K. Putevoy dnevnik [Travel Diary], 1907, no. 3. *Obshchestvo izucheniya Amurskogo kraya [Society for the study of the Amur region]*, F. 14, op. 1, d. 7. (In Russ.).
3. Arsenyev V.K. Putevoy dnevnik [Travel Diary], 1907. *Obshchestvo izucheniya Amurskogo kraya [Society for the study of the Amur region]*, F. 14, op. 1, d. 6. (In Russ.).
4. Arsenyev V.K. Putevoy dnevnik [Travel Diary], 1906, no. 3. *Obshchestvo izucheniya Amurskogo kraya [Society for the study of the Amur region]*, F. 14, op. 1, d. 2. (In Russ.).
5. Arsenyev V.K. Putevoy dnevnik [Travel Diary], 1908–1909. *Obshchestvo izucheniya Amurskogo kraya [Society for the study of the Amur region]*, F. 14, op. 1, d. 10. (In Russ.).
6. Brailovskiy S.N. *Tazy ili Udihe (opyt etnograficheskogo issledovaniya) [Tazi or Udihe (The Experience of Ethnographic Research)]*. St. Petersburg, 1902. 223 p. (In Russ.).
7. *Naselennye i zhilye mesta Primorskogo raiona. Krest'yanе. Inorodtsy. Zheltye. Perepis' naseleniya 1-20 iyunya 1915 goda [Inhabited places of the Primorsky region. Peasants. Aborigines. Yellow. The population census of June 1-20, 1915]*. Vladivostok, 1915. 136 p.
8. Nesterova E.I. *Russkaya administratsiya i kitayskie migranty na Yuge Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [The Russian administration and Chinese migrants in the South of the Far East of Russia (second half of the XIX – early XX century)]*. Vladivostok, 2004. 372 p. (In Russ.).
9. *Palladiy. Dorozhnye zametki na puti ot Pekina do Blagoveshchenska chrez Manchhuriyu v 1870 godu [Travel Notes on the Road from Beijing to Blagoveshchensk through Manchuria in 1870]*. St. Petersburg, 1872. 130 p. (In Russ.).
10. Tkachev S.V. “Koreytsy i inorodtsy Yuzhno-Ussuriyskogo kraya” v perepisi V.N. Vislyeneva [“Koreans and foreigners of the South Ussuri region” in the census of V.N. Vislyenev]. *Rossiyskaya istoriya [Russian history]*, 2018, no. 2, pp. 67-79. (In Russ.).

УДК 130.2

ПОНЯТИЕ «МЕНЕДЖМЕНТ»: КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

Родионова Дарья Геннадьевна, и. о. заведующей кафедрой менеджмента музыкального искусства, факультет фольклорного искусства и продюсерства, Российская академия музыки имени Гнесиных (г. Москва, РФ). E-mail: ffignes@gmail.com

В данной статье рассматриваются некоторые методологические основы понятия «менеджмент», которые составляют его содержание. Автор в своем анализе опирается на философские концепции, разработанные в трудах зарубежных и русских философов, обращая внимание на единство рационального и эмоционального, взаимодействие качества и количества, на понятия «ценность» и «творчество». Синтез данных, рассматривающих различные структурно-содержательные компоненты этого понятия, дает возможность сегодня представить *менеджмент как многогранное комплексное явление, функционирующее в условиях духовной культуры конкретной страны; как искусство, отражающее лучшие его достижения в создании новых творений и воспроизведений мировых шедевров прошлого; как творчество, которое позволяет находить новое, неповторимое; как ценность, благодаря которой происходит эффективное распространение в социуме лучших образцов искусства и активное развитие*